

Чернобыль: как всё было...

26 апреля 1986 года произошло одно из самых драматических событий XX века — авария на Чернобыльской АЭС, переросшая в техногенно-социально-психологическую катастрофу человечества. Вот уже 30 лет прошло с тех тяжелых и памятных дней. Многие, в том числе какие-то детали, даты, имена, фамилии участников тех событий стерлось в памяти, но главное, все-таки, человеческая память хранит: и самое важное — мужество, самоотверженность и стойкость тех людей, которые вместе со мной работали бок о бок в те дни и годы в Хойникском районе Гомельской области, встретили эту беду, а потом делали то, что по своему гражданскому и партийному долгу и службе должны были делать честно, самоотверженно, добросовестно и безупречно.

К моменту аварии на Чернобыльской АЭС я работал в районе уже четвертый год на посту первого секретаря райкома партии. До этого трудился в аппарате ЦК Компартии Белоруссии в отделе организационно-партийной работы, куда пришел с должности второго секретаря Докшицкого райкома партии Витебской области. В начале апреля 1983 г. Бюро ЦК Компартии Белоруссии приняло решение направить меня в Хойникский район. Занимавший до меня пост первого секретаря райкома партии Г. Т. Карасевич проработал в районе более 13 лет и был отозван в аппарат Гомельского облисполкома.

За период моей работы в районе, предшествующий Чернобыльской катастрофе, многое удалось сделать, но еще больше предстояло сделать. Район имел неплохие земли, хорошую материально-техническую базу, в т. ч. несколько устойчиво работающих строительных организаций, авторемонтный, консервный, комбикормовый заводы.

В 1984 г. был сдан в эксплуатацию мощный сыродельный завод, занимавший по производительности второе место в европейской части СССР и способный в

разгар летнего сезона перерабатывать до 500 тонн молока в сутки.

В 1985 г. методом "народной" стройки, без всякой документации и различных согласований в проектных организациях в районном центре за три месяца был построен современный по тем временам стадион, вмещавший до 5 тыс. зрителей, а самое главное — с рездоровской (резиновой) беговой дорожкой, позволяющей проводить тренировки и различные легкоатлетические занятия практически круглогодично.

Стал набирать мощность и новый машиностроительный завод "Салют", построенный от Москвы и производивший фактически секретную продукцию для самолетов и космических кораблей. Благодаря размещению этого предприятия в районе, удалось решить многие вопросы социально-бытовой жизни населения района: не было проблем с трудоустройством молодежи: завод строил большое количество жилья и иных объектов социальной инфраструктуры.

Позитивные сдвиги произошли и в агропромышленном секторе. Росло поголовье всех видов скота и его продуктивность. По урожайности зерновых культур и картофеля район стал выходить на ведущие позиции в области.

Многое делалось по повышению культуры земледелия, более четко стали соблюдаться севообороты, на более высокий уровень выходила работа по борьбе с сорняками и вредителями сельхозкультур, которые в этом регионе наносили существенный урон сельскому хозяйству и его экономике. В 18 колхозах и совхозах из 19 за два года были построены довольно прогрессивные по тому времени навозохранилища с бетонным основанием и своеобразными насосами УТН, с помощью которых навоз из животноводческих ферм автоматически подавался в хранилища, заранее заполненные торфокрошкой. Благодаря этому способу получались органические удобрения самого высокого

качества, позволяющие повысить урожайность даже в хозяйствах, расположенных вдоль р. Припять, которые имели бедные по плодородию, преимущественно песчаные земли.

В короткие сроки была поставлена и решена задачи об улучшении условий работы для животноводов. В каждом колхозе и совхозе были на существующих площадях сооружены финские бани с душевыми установками. Как минимум 1-2 раза в месяц животноводческие фермы посещали стоматологи, врачи других специальностей, работники предприятий бытового обслуживания, которые принимали заказы от животноводов непосредственно на рабочих местах.

По линии "Сельхозтехники" в короткие сроки был построен по существу современный завод, производивший высококачественные кормовые смеси для всего района, благодаря чему удалось в короткие сроки увеличить надои молока. Большую помощь в этом району оказал депутат Верховного Совета Белорусской ССР Е. Ф. Сухоруков, работающий председателем республиканского объединения "Сельхозтехника", а в период аварии на ЧАЭС — первым заместителем Председателя Госагропрома БССР.

Демичев Дмитрий Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права Белорусского государственного экономического университета. Академик Международной кадровой академии (Киев). Академик Международной инженерной академии (Москва).

В 1983-1987 гг. — первый секретарь Хойникского райкома партии. Непосредственный участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в пределах 30-километровой зоны в 1986-1987 гг.

За самоотверженный труд по ликвидации последствий указанной аварии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 декабря 1986 года награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Впервые в отечественной юридической науке профессором Демичевым Д. М. разработана теория государственно-правового механизма преодоления последствий Чернобыльской катастрофы; сформулированы теоретические положения о возникновении, становлении и развитии новой самостоятельной (основной) функции государства — функции минимизации последствий Чернобыльской катастрофы; выработаны конкретные рекомендации по совершенствованию функционирования государственных органов в условиях радиоактивного загрязнения обширных территорий и предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего данную сферу общественных отношений.

В 1984 г. район впервые за предшествующее десятилетие выполнил план продажи государству десяти контрольных видов сельскохозяйственной продукции, выполнение которых в то время было обязательным для партийных организаций, трудовых коллективов, руководящих кадров. Стабильно стали работать промышленные предприятия, строительные организации, предприятия торговли, бытового обслуживания, транспорта и другие отрасли. А хойникские кулинары даже дошли до Парижа: кондитерские изделия "Грибок" заняли призовое место на выставке, проходившей в столице Франции.

А главным богатством района были, конечно же, люди. В районе до аварии на ЧАЭС проживало около 50 тыс. человек, в т. ч. около 19 тыс. — в райцентре. Для хойничан во все времена были характерны трудолюбие, доброжелательность, усердие, веселый, неунывающий характер, что во многом помогло легче пережить тяжелые послечернобыльские дни, месяцы и годы.

Хорошо в районе развивалась художественная самодеятельность, центром которой являлся районный дом культуры (директор А. Науменко). Ежегодно в зимнее время проводились традиционные смотры художественных коллективов колхозов, совхозов, промышленных предприятий,

строительных организаций, школ, училищ, торговых организаций. Во время этих смотров на сцену выходили в качестве исполнителей многие руководители трудовых коллективов, секретари первичных парторганизаций. Особенно запомнились песни в исполнении директора завода "Салют" Е. Д. Теплова, директора авторемонтного завода И. В. Снигирева и многих других.

В районе была создана неплохая спортивная база, работало несколько спортивных залов в райцентре. В каждом колхозе и совхозе либо уже были построены, либо достраивались стадионы. К 1986 г. каждый более-менее крупный коллектив имел свои любительские команды по футболу, волейболу и другим видам спорта. Многие спортсмены-любители занимали призовые места на областных и республиканских соревнованиях. Сборная команда по футболу успешно выступала на первенстве республики.

Чтобы поддержать спортивный дух в районе и мы, старшее поколение, старались не отставать от молодых: от коллектива райисполкома, который тогда возглавлял А. И. Обухов, создали волейбольную команду — "Крылья Советов". А в райкоме партии из числа работников аппарата организовали волейбольную команду, название которой придумали сами — "Крылья партии". Когда осенью заканчивались сельскохозяйственные работы, мы два раза в неделю собирались, как правило, в спортзале средней школы № 2 и играли по 4-5 партий.

Большой личный вклад в развитие физкультуры и спорта в районе внес работавший тогда в должности председателя комитета физкультуры и спорта райисполкома О. М. Евстратов, ставший впоследствии Заслуженным тренером Республики Беларусь.

К апрелю 1986 г. в районе был сформирован добротный состав кадров, успешно работающих на ключевых участках всех отраслей народного хозяйства. Благодаря высокой дисциплине, организованности, преданности делу, высокой ответственности руководящих кадров всех уровней нам удалось в трудные черныбыльские дни и ночи организованно провести все первоочередные мероприятия

по минимизации последствий катастрофы, и прежде всего, эвакуацию детей, беременных женщин из 30-километровой зоны Чернобыльской АЭС, учащихся школ, разместить в местах их временного проживания, создать необходимые условия для пребывания, медицинского и торгового обслуживания.

Не могу не сказать самые теплые слова о моих соратниках по райкому партии — втором секретаре райкома партии Надежде Николаевне Дрозд, секретаре райкома по идеологии Пинчуке Валерии Викторовиче (к сожалению, ушедшем из жизни в 2009 г.), заведующих отделами райкома партии: Баранове Валентине Игнатьевиче, Васькевиче Викторе Степановиче, Дейкуне Александре Васильевиче, Шпаковской Тамаре Федоровне, председателе парткомиссии Чубке Сергее Васильевиче, заведующей сектором партучета Василевской Любви Арсеньевне, других работниках райкома партии — Азаркевиче Иосифе Брониславовиче, Гаращенко Михаиле Ивановиче, Головатой Светлане Николаевне, Григоровиче Иосифе Павловиче, Кулицком Геннадии Мячеславовиче, Лекаркине Петре Федоровиче, Мазолевском Анатолии Петровиче, Мамедовой Асе Александровне, Руденке Геннадие Михайловиче, Мигае Василии Владимировиче, Сацуре Николае Васильевиче (уже ушедшем из жизни), Чекане Валерии Адамовиче, водителях райкома Данченко Александре Афанасьевиче, Бараше Василии Ануфриевиче (ныне уже покойных), Воробье Сергее и многих других.

Большую организаторскую работу по проведению всех первоочередных антирадиационных мероприятий проводил председатель райисполкома Александр Иванович Обухов. Надо сказать, что трудное постчерныбыльское бремя мы с ним несли вместе, поскольку спрос был за все, что происходило в районе, прежде всего — с первого секретаря райкома партии и председателя райисполкома.

В то время в разных районах по-разному складывались взаимоотношения первых лиц районов. Наши отношения отличали взаимопонимание, взаимопомощь, взаимная поддержка, уважительное

отношение как друг к другу, так и к коллективам, которые мы возглавляли. Надо сказать, что эти искренние чувства мы сохранили и в последующие годы, когда меня по решению ЦК КПБ направили на должность инспектора ЦК по Могилевской области, а Александр Иванович через несколько лет был избран депутатом Верховного Совета БССР, переехал в Минск и плодотворно работал в постоянной Комиссии Верховного Совета по проблемам Чернобыльской катастрофы. Мы часто встречаемся, ежегодно организовываем встречи участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС от района. Приходится вместе и провожать в последний путь тех, кто с нами работал в те тяжелые дни и годы.

Но все это было до Чернобыля...

А 26 апреля 19986 г. должна была проводиться очередная сессия Гмельского областного Совета народных депутатов. Это была суббота: несколько лет назад до этого в Москве было принято решение о том, что различные мероприятия необходимо проводить в нерабочее время.

От района депутатами областного Совета было по традиции 8-9 человек: первый секретарь райкома партии, председатель райисполкома, 2-3 передовика сельскохозяйственного производства, промышленности, строительства или других отраслей, несколько руководителей трудовых коллективов.

По традиции в 7 часов утра мы собрались в райкоме партии и на двух машинах выехали в Гомель. Сессия областного Совета народных депутатов прошла как обычно: регистрация, доклад, выступления, принятие решений и возвращение домой. Никаких особенностей в поведении первых лиц области мы в тот день не заметили.

Как потом стало известно, и руководство области ничего не знало, что произошло на Чернобыльской АЭС, хотя атомная станция находилась по прямой на расстоянии 47 км от Хойник и около 100 км — от Гомеля. И по правилам, установленным инструкциями тех лет по гражданской обороне, в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций, особенно связанных с радиационным загрязнением, штабы гражданской обороны

граничащих районов, областей и т. д. обязаны были информировать соседей обо всех чрезвычайных ситуациях.

Но такого после случившегося на Чернобыльской АЭС не произошло. Самая первая информация о том, что у наших соседей, украинцев, произошло что-то серьезное, просочилась неофициально 27 апреля.

Было воскресенье, и выпал очень теплый, даже жаркий день. Полевые работы в основном были завершены и на этот день на стадионе совхоза "Стреличево" по плану проходил спортивный праздник — открытие футбольного сезона. Из каждого трудового коллектива на соревнования прибыли команды, которые должны были сыграть "пульку" — два тайма по 15 минут на выбывание. Проигравшая команда покидает соревнование, а лучшие выбиваются в финал.

На соревнованиях присутствовали члены бюро райкома партии, члены райисполкома, руководители и секретари партийных организаций, большое количество зрителей. Состязания проходили довольно захватывающе, представители команд болели за своих. Среди руководства района также симпатии отдавались различным командам.

В разгар соревнований секретарь райкома по идеологии В.В. Пинчук сообщил мне и А.И. Обухову, что его мать в субботу ездила по делам работы в районный центр Чернобыльского района, их с машиной в город не пустили, а по улицам ездили пожарные машины и смывали проезжую часть каким-то раствором, то ли пеной. Мы тут же сообразили, что на атомной станции произошло что-то серьезное.

Обсудив накоротке ситуацию, было принято решение: А. И. Обухов выезжает в "припятскую" зону нашего района (территорию, примыкающую к Чернобыльской АЭС), а я еду в райком партии и связываюсь с обкомом.

Дежурный обкома партии мне сказал, что он никакой информацией не обладает, и ему ни по линии штаба гражданской обороны, ни других структур, занимающихся аналогичными вопросами, никаких сообщений не поступало. Я попросил его проинформировать о моем звонке первого секретаря обкома партии Алексея

Степановича Камая и стал дома ожидать приезда из припятских хозяйств А. И. Обухова. Сам же своими мыслями поделился со своей женой Людмилой Егоровной (про образованию физик, преподавала эту дисциплину в школе № 1 г. Хойники). Она тут же высказала свою точку зрения: это очень серьезно, и возможно придется проводить эвакуацию населения.

У нас в районе находилась мощная автобаза, которая обеспечивала автомобильные, включая пассажирские, перевозки не только внутри района, но и у соседей — в Брагинском, Лоевском и Речицком районах. Возглавлял эту автобазу весьма скромный, но очень ответственный и серьезный руководитель Николай Степанович Андрейчик. Я связался с ним по телефону и попросил приехать ко мне домой. Николай Степанович прибыл через несколько минут, мы вышли во двор моего дома и обсудили ситуацию на предмет возможных мер по перевозке большого количества людей за пределы района, а может быть, и области. Директор автобазы быстро провел расчеты, сколько, когда и в какие сроки он сможет справиться с такой задачей, если ее придется решать.

Расставаясь, я попросил Николая Степановича не разглашать содержание нашего разговора во избежание распространения всевозможных слухов, которых, как показали последующие после аварии на ЧАЭС события, было предостаточно и самого различного содержания, в т. ч. касались лично меня, либо членов моей семьи. Но об этом ниже.

Чуть позже приехал А. И. Обухов. Он сообщил, что в Припяти действительно произошло что-то серьезное.

С начала строительства Чернобыльской АЭС многие уроженцы нашего района и, прежде всего, из числа молодежи, родители которых проживали в хозяйствах припятской зоны нашего района, работали сначала на строительстве станции, а затем и на самой станции. Многие получили в г. Припяти квартиры. Уровень торгового обеспечения для работающих на станции был весьма высоким, жилье предоставлялось быстро и бесплатно.

Так вот, начиная с 26 апреля наши земляки стали перевозить своих детей к родителям в населенные пункты нашего

района, расположенные вблизи от ЧАЭС. Александр Иванович сообщил, что видел летающие над станцией вертолеты. В свою очередь, я рассказал ему о разговоре с дежурным обкома партии.

По существующему в то время порядку начальником гражданской обороны района и области являлись по должности соответственно председатель райисполкома и председатель облисполкома. Гражданскую оборону в республике возглавлял Председатель Совета Министров БССР. Начальниками штабов гражданской обороны в районах и областях работали, как правило, отставные офицеры в звании от майора до полковника. У нас в районе этот пост занимал майор Каюда Александр Иванович, довольно серьезный и подготовленный офицер, который в постчернобыльское время много сделал для организации работ, связанных с минимизацией последствий аварии на ЧАЭС, грамотного проведения основные эвакуационных мероприятий.

Я попросил А. И. Обухова организовать круглосуточное дежурство в штабе гражданской обороны района и держать постоянную связь с областным и республиканским штабами гражданской обороны.

Наутро я связался с первым секретарем обкома партии А. С. Камаем, проинформировал его о том, что мне самому было известно. Из разговора с первым лицом области я понял, что в области тоже нет необходимой информации. Алексей Степанович посоветовал мне самому выехать в припятскую зону со специалистами для изучения обстановки на месте.

Я взял с собой начальника штаба гражданской обороны А. И. Каюду, заместителя главного санитарного врача района М. А. Соловьева, военного комиссара района Ф. С. Омельчука с имеющимися в их распоряжении приборами для измерения уровня радиоактивного загрязнения ДП-5, которые по тем временам считались наиболее современными, и выехал в приграничные с Украиной населенные пункты района, находящиеся в 5-7 километрах от Чернобыльской АЭС.

Погода была солнечная, территории станции хорошо просматривалась. Там уже всю летали вертолеты и сбрасывали на

разрушенный реактор какие-то емкости с материалом, по внешнему виду похожим на песок. А. И. Каюда и М. А. Соловьев сделали первые замеры: они показали уровень радиации 0,5 рентген/час. В песке руками я сделал углубление на 20 см и попросил замерять еще один раз. Приборы показали ту же цифру.

Что такое полрентгена, я лишь догадывался, поскольку все мы были в тот период еще не слишком образованы в этом деле. Лишь приехавшие со мной военком, санврач и начальник штаба ГО все время покачивали головами.

Я принял решение ехать в ближайший населенный пункт района, чтобы связаться с областью. Из конторы колхоза "1 Мая" начальник штаба позвонил своему областному начальству, военком — своему, а санврач — своему. Все они, там, в области, нам ответили, что приборы, которыми производились замеры, скорее всего, неисправны и что к нам из Минска едет группа дозиметристов с современными и точными приборами и только после их информации будут приниматься какие-то решения. Как потом выяснилось, у прибывших из столицы представителей были точно такие же приборы, что и у нас в районе, и они подтвердили замеры, которые проводила моя группа.

С того дня в наш лексикон надолго вошли термины — дозиметр, рентген, мили- и микро-рентген, радиация, радионуклиды, цезий, стронций, плутоний и еще много-много другого.

Вечером того же дня программа "Время" из Москвы сообщила первую весьма скудную информацию: на Чернобыльской АЭС произошла авария, принимаются все необходимые меры по ее ликвидации. На следующий день газета "Правда" подтвердила эту информацию.

Каких либо конкретных указаний из области не поступало, но нутром ощущалось, что нужно было предпринимать какие-то шаги. Оперативно было принято решение с 28 апреля прекратить все полевые работы и пастьбу скота в колхозах "Новая жизнь" и "1 Мая", расположенных в 5-7 километрах от атомной станции. Животные были переведены на стойловое содержание. Их кормление производилось сеном, соломой и сенажом урожая прошлых лет,

находящихся в крытых хранилищах и в меньшей степени подвергшихся радиоактивному загрязнению. Были даны указания провести герметизацию всех помещений, максимально сократить пребывание людей на открытом воздухе.

Наиболее напряженным выдался день 30 апреля. О нем и последовавшими за ним событиями — и первомайской демонстрацией в районных центрах Гомельщины, приближенных с зоной Чернобыльской АЭС, и первой эвакуацией школьников и беременных женщин из 30-километровой зоны ЧАЭС — много ходило разных слухов, обвинений в адрес руководителей, не запретивших эти демонстрации, критики в печати, особенно через несколько лет после аварии.

А как же было всё на самом деле? К середине дня, а еще больше во второй половине дня, секретарям райкома и лично мне поступило множество телефонных звонков относительно завтрашней первомайской демонстрации, будем ли мы ее проводить и как быть со школьниками.

Дело в том, что Хойники, как и Брагин, — самые южные районы Гомельщины и всей республики. Тепло сюда приходило раньше, чем в другие регионы, и к первомайским праздникам природа у нас оживала во всю. Почти всегда распускалась сирень, начинали цвести сады. Практически завершались полевые работы, и у людей были все основания хорошо провести праздники, побыть на демонстрации, а потом и отдохнуть на Припяти. Поэтому хойничане любили первомайские праздники, а первомайские демонстрации, как и празднование дня Победы 9 мая, проходили в районе всегда с участием большого количества людей, красочно и весело.

Вопрос был поставлен правильно, и мне как руководителю района необходимо было принимать какое-то решение. Позвонил своему соседу — первому секретарю Брагинского райкома партии Г. Н. Панькову. Мы с ним пришли к руководству районами почти одновременно, а познакомились во время учебы на заочном отделении Минской Высшей партийной школы задолго до Чернобыльской трагедии. С Георгием Николаевичем мы поддерживали дружеские отношения. Он, как коренной гомельчанин, часто давал мне,

присланном по воле партии на Гомельщину из центра и по началу не совсем уверенно ориентирующемуся в местных особенностях и традициях, много дельных и полезных советов относительно отдельных аспектов работы в незнакомом для меня регионе, как вести себя в отношениях с некоторыми руководящими работниками области и мн. др.

В разговоре по телефону мы условились, что действовать будем согласованно, а предварительно все-таки посоветуемся с обкомом партии. В этих целях я позвонил секретарю обкома партии Бобырю Сергею Павловичу, ведущему вопросы идеологии, и обрисовал ему картину по завтрашней демонстрации. Он внимательно выслушал меня и сказал, что свяжется с ЦК партии, проконсультируется с соответствующими работниками, а затем перезвонит мне.

Что случилось впоследствии, я не знаю. Но на мои неоднократные звонки С. П. Бобырю никто не отвечал. Приближался конец рабочего дня, нужно было принимать решение, и все мои коллеги по райкому ждали его от меня. В конце концов, во все трудовые коллективы пошла телефонограмма: демонстрация состоится в назначенное время, количество участников минимальное, школьников и детей дошкольного возраста на демонстрацию не привлекать. Сам себе решил, что выступать буду 5-7 минут, а количество остальных ораторов до минимума сократить. Так и поступили.

Митинг и первомайская демонстрация прошли за 15 минут, и ни один школьник в Хойниках на площади в это время не был. Впоследствии я думал, что руководство области будет меня за это упрекать, а возможно, даже накажут. Однако через пару дней в район приезжал А. С. Камай и об этом мы даже не вели разговор, поскольку ежеминутно передо мной, моими коллегами по району, перед руководством области вставали новые, невероятно сложные задачи, на которые необходимо было оперативно находить правильные ответы.

Накануне первомайских праздников по району поползли слухи, что медицинские работники — врачи, медсестры и другой персонал стали вывозить своих детей из района. Внутренне и мы все ощущали, что

мера эта необходимая. Но никто толком еще не знал реальную обстановку, решений по этому вопросу никаких не было. По существующим в то время правилам гражданской обороны решение об эвакуации принимает штаб гражданской обороны области. Но вывоз медиками своих детей за пределы района (пусть даже и незначительный) вызвал у населения района определенную растерянность и породил обширные слухи, которые коснулись и меня. Если медики увозят своих детей, думали многие, значит, и нам надо это делать. Мы не препятствовали этому, но большинство детей партийных и советских работников, как и большинства других, до начала официальной эвакуации оставались в районе.

Здесь как раз следует упомянуть о случае, который произошел 1 мая 1986-го, накануне первомайской демонстрации. Я пришел в райком чуть раньше обычного, сделал необходимые звонки, уточнил, все ли готово к празднику, а через окно увидел, что большинство членов бюро райкома партии, членов райисполкома, других руководящих работников района, которые обычно во время демонстрации стоят на трибуне у памятника В. И. Ленина, уже собрались. Я решил тоже выйти, поздравить с праздником районный актив. У всех вроде бы обычное чуть приподнятое, но взволнованное настроение. Но начальник районного отдела внутренних дел подполковник Л. М. Жевнякбыл, как мне показалось, несколько озабочен.

Отойдя в сторонку, я спросил, в чем дело, и он поведал мне о телефонном звонке из Минска, который раздался ему в кабинет сегодня рано утром. Звонил дежурный Министерства внутренних дел, просил доложить обстановку, а затем спросил, правда ли, что сегодня рано утром первый секретарь Хойникского райкома партии Демичев Д. М. вместе со своей семьей бежал на служебной машине из района. Не долго думая, Л. М. Жевняк ответил известной поговоркой: "этого не может быть, потому что не может быть никогда" и обосновал дежурному МВД свои доводы: Во-первых, вечером 30 апреля мы с Демичевым Д. М. встречались и вели разговор о том, как пооперативнее провести первомайскую демонстрацию; во-вторых, ожидалось

решение руководства области об эвакуации из 30-километровой зоны ЧАЭС, и первый секретарь собирался выехать в эту зону для организации эвакуационных мероприятий; в-третьих, это не тот человек, который может так поступить в трудной обстановке".

Выслушав Л.М.Жевняка, который был весьма ответственным, настоящим профессионалом, хорошо подготовленным офицером, с чувством хорошего и здорового юмора, я высказал ему тоже с определенной долей юмора на манер Л. И. Брежнева (хотя в то время было не до этого) "чувство глубокой благодарности от имени партии и правительства за столь высокую оценку моей личности.

Но на этом все не закончилось. Сразу после Первомайских праздников, когда возобновились занятия в школах, вечером за ужином моя младшая дочь Вика, которая училась тогда в первом классе средней школы № 1, говорит: "Папа, а что это директор школы сегодня несколько раз заходил с разными людьми в наш класс и вместе с учительницей показывал этим дядям и тетям на меня. Они о чем-то долго шептались, а потом уходили". Старшая дочка Лиля училась уже в 7 классе, но другой школы, успокоила младшую сестру: Директор нашей школы Вера Леонтьевна Косабуцкая тоже сегодня несколько раз с какими-то людьми заходила в наш класс и все время показывала им меня".

Конечно, людей понять можно. Они смотрели на нас, руководящий состав, как мы себя поведем в это непростое время, дрогнем, побежим или будем мужественно нести свой крест. Вот и приходили родители в школы, где учились наши дети, и интересовались, увезли ли мы своих детей или нет.

Сразу после Первомайской демонстрации из области поступила команда об эвакуации, как основном способе защиты населения от радиоактивного облучения, из 30-километровой зоны Чернобыльской АЭС детей в возрасте до 15 лет, беременных женщин и больных. Я вместе с водителем райкома партии Александром Афанасьевичем Данченко выехал в населенные пункты, прилегающие к территории атомной станции, для организации эвакуационных мероприятий.

В "чернобыльскую" зону уже шел поток автобусов из нашей автобазы, сопровождающихся работниками райкома партии, райисполкома, ГАИ и др. В этот момент произошел трагический случай, который не мог не оказать влияние на поведение и поступки многих людей. По ходу движения мне сообщили, что внезапно скончался один из водителей автобуса, еще относительно молодой человек. И, естественно, люди тут же связали этот случай с воздействием радиации. Позже, когда специалисты провели вскрытие, было установлено, что гибель человека произошла из-за сердечного приступа. Конечно, не исключено, что воздействие радиации повлияло на данный процесс.

Чуть позже в д. Борщевка меня разыскали заместитель начальника управления внутренних дел облисполкома полковник Валерий Петрович Попов (уже покойный) и офицер из областного КГБ (фамилию сейчас не могу припомнить). Вместе с председателем колхоза им. «1 мая» М. И. Новиком мы объехали все населенные пункты, из которых проводилась эвакуация. Люди уже были готовы к отъезду. Размещение в автобусы было проведено довольно оперативно. Через час-полтора автобусы стали отъезжать в сторону райцентра.

В тот же день все эвакуированные были размещены в домах отдыха, профилакториях и пионерских лагерях, находящихся на территории Гомельской области. Оперативно решались вопросы размещения школьников и родителей с детьми, организации их питания, обеспечения одеждой, обувью, другими товарами. В большинстве случаев это делалось за счет средств бюджета. Позже, из архивных материалов я узнал официальную цифру, что в места расположения эвакуированного населения из трех южных районов области были направлены 29 врачей-педиатров и 87 медицинских сестер.

Всего из населенных пунктов Брагинского, Наровлянского и Хойникского районов были полностью вывезены около 28 тыс. школьников, беременных женщин и женщин с детьми дошкольного возраста, размещение которых произведено в 57 пионерских лагерях, 20 санаториях-

профилакториях, гостиницах, школах-интернатах области.

В общеобразовательных школах и ПТУ этих районов 1985/86 учебный год х был досрочно завершён 7 мая. Перевод учащихся в следующие классы осуществлён без экзаменов, на основании текущих оценок. В последующие дни мая 1986 г. все население детского возраста, женщины с детьми, беременные и больные из пострадавших районов были вывезены для оздоровления за пределы Гомельской области на весь летний период.

А между тем ситуация на самой Чернобыльской АЭС ежечасно усложнялась: уровни радиации постоянно росли. В соответствии с решением Правительственной комиссии СССР по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС перед Гомельским облисполкомом 3 мая в 18 часов была поставлена задача об эвакуации всего населения и скота из 50 населённых пунктов Брагинского, Наровлянского и Хойникского районов, расположенных в 30-километровой зоне атомной станции.

На помощь районному партийно-советскому активу для организации эвакуационных мероприятий в южные районы области были направлены 75 ответственных работников обкома партии, облисполкома, народные депутаты. На оперативном совещании актива области и районов, состоявшемся в г. Хойники в ночь с 3 на 4 мая, за каждым сельским Советом, населённым пунктом, хозяйством были закреплены члены исполкомов областного, районных Советов, народные депутаты, партийно-хозяйственный актив. Для перевозки людей из Гомеля, других городов прибыло большое количество автобусов, а скота и имущества — грузовые автомобили.

Началась эвакуация всего населения и скота из всех населённых пунктов 30-километровой зоны не только нашего, Хойникского, но и соседних Брагинского и Наровлянского районов. На маршрутах эвакуации для уменьшения переноса радионуклидов с транспортом, животными, одеждой на границах зон радиоактивного загрязнения было развернуто 6 пунктов специальной обработки (ПуСО). В целях снижения поступления из воздуха в организм радиоактивных веществ привлечённые для

медицинского обеспечения процесса эвакуации врачи и средний медперсонал осуществляли контроль на марше за использованием ватно-марлевых повязок и противопыльных тканевых масок.

В местах приёма эвакуированного населения срочно готовились помещения для жилья из общественного фонда, свободные дома граждан, составлялись списки тех, кто изъявил желание принять в свои дома пострадавших. Размещение населения планировалось в более чистых в радиоактивном отношении населённых пунктах по производственно-территориальному принципу — по колхозам и совхозам. В Хойникском районе эвакуация населения из колхозов "Новая жизнь", "1 Мая" Радинского, совхоза "Оревичи" Оревичского сельсоветов производилась с учётом сложившихся задолго до аварии шефских связей с совхозами "Стреличево" и "Судково", колхозом "Октябрь".

Для эвакуации общественного и находящегося в личной собственности граждан скота круглосуточно оборудовались временные летние кошары открытого типа. К ним подводились линии электропередачи, завозилось и опробовалось доильное оборудование, подбирались люди для проведения ручной дойки. Организация этих работ осуществлялась руководителями и специалистами хозяйств, РАНО, райсельхозтехники, райсельхозхимии, райсельэнерго и другими организациями. Все кадры были мобилизованы для оперативного решения этих задач.

Для оперативного руководства эвакуационными мероприятиями начальник гражданской обороны области, председатель облисполкома А. А. Граховский, штаб ГО области с оперативными группами служб были передислоцированы из Гомеля в центр Хойникского района — г. Хойники, расположенный в 50 километрах от Чернобыльской АЭС. Александр Адамович как опытный управленец очень много полезного сделал для организации всего комплекса первоочередных эвакуационных мероприятий по обеспечению радиационной безопасности населения, функционирования объектов народного хозяйства, оперативно принимал четкие решения, при необходимости давал кому

положено небольшие накачки, но создавал хорошую психологическую обстановку, практически во всем поддерживал наши решения, а часто и защищал, особенно перед республикой и Москвой. Практически весь май 1986 г. Александр Адамович находился в районе, лишь изредка выезжая в соседние районы для контроля за ходом осуществления эвакуационных мероприятий или на совещания в Гомель, спал по 2-3 часа в сутки и, конечно, здорово измотался. К середине мая 1986 г. у него случился гипертонический криз. Мы предложили ему выехать в Гомель для обследования и прохождения лечения. Однако, получив необходимую первоочередную медицинскую помощь на месте, он отказался от госпитализации и снова приступил к исполнению своих обязанностей в Хойниках.

5 мая 1986 г. к 15 часам эвакуация людей и животных из населенных пунктов Хойникского района, расположенных в 30-километровой зоне ЧАЭС, в целом была завершена. По области из зоны ЧАЭС было эвакуировано 12,6 тыс. человек (в т. ч. 6,5 тыс. трудоспособных) и 51 тыс. голов скота всех видов.

Местными партийными и советскими органами была проведена колоссальная организаторская работа по созданию элементарных условий для жизни, трудоустройства и быта эвакуированного населения, в организации возобновления производственных процессов.

Прием и размещение эвакуированных осуществлялись специально сформированными комиссиями, в состав которых, кроме депутатов, входили представители партийных (КПСС), э профсоюзных, комсомольских органов.

Размещение эвакуированных проводилось в свободные жилые дома, в школы, клубы, к родственникам, а также к знакомым и незнакомым людям.

Приведу только один, характерный для тех дней пример. Председатель Дворищанского сельского Совета народных депутатов Хойникского района Петр Филимонович Орещенко (уже покойный) в период эвакуации предоставил принадлежащий ему просторный дом переселенцам, а сам с семьей поселился к соседям. И таких случаев были сотни.

В первой декаде мая 1986 г. состоялись совместные сессии эвакуированных Радинского и Оревичского сельских Советов Хойникского района Гомельской области с принявшим их Дворищанским сельским Советом, обсудившие задачи Советов по нормализации жизни и деятельности эвакуированного населения. Принятые решения способствовали мобилизации партийных организаций, сельских Советов, их исполнительных комитетов, постоянных комиссий, депутатского корпуса на успешное выполнение поставленных жизнью необычных задач.

Нельзя не отметить ту громадную работу, которую проделали в районе работники райпотребсоюза, который возглавлял в то время Анатолий Васильевич Кулага и комбината общественного питания во главе с Екатериной Шваяковой. Сначала нужно было обеспечить всем необходимым — продовольствием, одеждой, обувью и другими товарами первой необходимости эвакуированное население. К существующим рыночным фондам района были дополнительно выделены мука, крупа, хлебобулочные и макаронные изделия, сухое молоко, молочные, рыбные и мясные консервы, мясо, рыба, обувь, одежда и другие товары первой необходимости в объемах, обеспечивающих полную потребность населения. При этом обеспечение эвакуированного населения предметами первой необходимости в местах эвакуации на первом этапе обустройства производилось бесплатно, а также путем продажи товаров в кредит.

В последующий период работникам торговли приходилось обслуживать не только постоянно проживающее и не эвакуированное население, но и большую армию в прямом и переносном смысле командировочных — строителей, медиков, водителей, прикомандированных и работающих по вахте работников торговли, военных и многих других категорий работающих.

В целом в населенных пунктах Гомельской области, где разместилось эвакуированное население, только в течение 1986 г. было пробурено 87 артезианских скважин, проложены новые водопроводные сети протяженностью 225

километров. В Хойникском районе за этот период проложено 42 километра водопровода, пробурено 29 новых артезианских скважин, произведены очистка и благоустройство 4 тыс. колодцев.

Проведение этих мероприятий позволило удовлетворить потребности населения в питьевой воде, обеспечить бесперебойную работу бань, прачечных, предприятий химчистки, общественного питания, а также для хозяйственных нужд и проведения дезактивации.

А между тем ситуация на самой Чернобыльской АЭС продолжала осложняться. По весьма скудным сведениям, которые по различным источникам к нам поступали, стало известно, что примерно 2 мая на станции произошел еще один мощный выброс радиоактивных веществ, по некоторым данным, не меньший, чем первоначальный. Чуть позже стало известно, что под один из разрушенных реакторов начали делать подкоп, чтобы по нему запустить жидкий азот для охлаждения реактора, поскольку температура там была около 2 тыс. градусов и продолжала повышаться. Нарастала угроза прорыва воды, находящейся в емкости для охлаждения реактора, содержащей несколько тысяч тонн воды, в реактор. По мнению ученых-атомщиков в этом случае мог произойти взрыв, по мощности равный взрыву водородной бомбы. В таком случае необходимо было эвакуировать все живое из 350-километровой зоны.

Сегодня можно уже об этом сказать. Примерно 5 мая по закрытым каналам мне поступила команда готовить все партийные документы (карточки партучета, личные дела руководящего состава и др.) для вывоза за пределы области и размещения в одном из райцентров Брестской области. Здесь следует подчеркнуть, что, несмотря на то, что в аппарате райкома партии был соответствующий работник, который вел учет документов, за их сохранность в целом по действовавшим в то время внутрипартийным инструкциям персональную ответственность нес лично первый секретарь райкома партии. О предстоящей возможной эвакуации партийной документации знали в районе трое — я, водитель райкома А. А. Данченко

и заведующая сектором партучета Л. А. Василевская.

Когда я пригласил в кабинет Любовь Арсеньевну и дал ей поручение готовить к эвакуации все секретные документы, собрать необходимые личные вещи и в любой момент быть готовой к отъезду в Брестскую область, она сначала слегка растерялась, а затем расплакалась.

Ситуация разрядилась примерно в середине дня 6 мая. У нас в районе находился Председатель Совета Министров БССР М. В. Ковалев, который знал о том, что может произойти на ЧАЭС в случае прорыва воды и какие меры там предпринимаются, чтобы предотвратить взрыв. Но нам, руководителям района, ни мне, ни А. И. Обухову Михаил Васильевич ничего не сказал.

Примерно к часу дня мы втроем пошли в ресторан, чтобы перекусить. Поскольку в районе практически непрерывно находились представители не только областных и республиканских руководящих (ЦК, Совмина, военные, МВД, Минздрава и др.), но и союзных органов, в кабинетах первого секретаря райкома, председателя райисполкома были установлены аппараты секретной правительственной связи. Один из таких телефонов был установлен и в ресторане. Во время обеда ко мне подошел дежурный и, извинившись, попросил подойти к телефону Председателя Правительства. Михаил Васильевич вышел в соседнюю комнату, переговорил по телефону и возвратился сияющим. Он сообщил нам, что угроза водородного взрыва на ЧАЭС ликвидирована.

И только после его рассказа нам стало ясно, насколько серьезной была обстановка в Чернобыле. Если бы это, не дай Бог, случилось, не было бы ни Киева, ни Минска, ни, тем более, Гомеля, Бобруйска, Барановичей, не говоря о других, более мелких населенных пунктах.

Не могу не рассказать еще об одном случае, свидетелем которого я был и вокруг которого ходило очень много всевозможных слухов, а больше домыслов, особенно, когда начались атаки на партию. Примерно 12 или 13 мая с целью изучения обстановки на месте и оказания необходимой помощи в район приехал первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Н. Н. Слюньков. К

тому времени Николай Никитович находился на посту первого секретаря ЦК уже четвертый год и у партхозактива республики о нем сложилось мнение как о человеке весьма жестком, но справедливом и конкретном.

Конечно, я, как и любой бы на моем месте, немного побаивался приезда первого лица республики, но больше надеялся на то, что его приезд будет способствовать решению многих задач, которые силами района решать было сложно: нужно было строить, и строить быстро, до зимы, в чистых зонах района много жилья для переселенцев, создавать для них в новых местах проживания условия для быта, рабочие места и многое другое.

Кстати, так в конечном итоге и получилось. Николай Никитович моментально принимал решения, тут же отдавал поручения Совмину, министрам, другим руководящим работникам, а меня просил информировать, если какое-то его поручение выполнялось не в срок. Должен сказать, что мне не пришлось ни в первые дни, ни в последующий период ни письменно, ни устно беспокоить первое лицо республики о невыполнении его поручений, потому что этого в то время просто не могло быть.

Так вот, о том приезде Н. Н. Слюнькова через несколько лет много писали в смысле того, что приехал в район и привез с собой чистые продукты, личных поваров и мн. др. Как очевидец, хочу огорчить тех, кто высосал эту информацию из пальца. Я встретил машину "Чайка", на которой приехали Н. Н. Слюньков и первый секретарь обкома партии А. С. Камай на границе с Калининским районом примерно в 10 часов утра.

Вместе мы побывали в 30-километровой зоне, затем выехали в совхоз "Судково", где Николай Никитович и Алексей Степанович встретились с переселенцами из 30-километровой зоны. Вопросов у людей, конечно, было много, но главным оставался один — когда нам разрешат вернуться в свои родные места. Никто тогда не мог предположить, что эти люди уже никогда не возвратятся назад.

В середине дня мы поехали на обед, в ресторан. Там уже по вахте работали повара и официанты, направленные в район из

других городов республики вместо наших работников, эвакуированных из района вместе с детьми. Как сейчас помню, обед был самый обычный, только на первое блюдо Николай Никитович заказал себе молочный суп. И никаких специальных блюд, а тем более, поваров не было и не могло быть.

После обеда первый секретарь ЦК связался по телефону ВЧ с секретарем ЦК КПСС Лигачевым Е. К. Во время разговора мы с А. С. Камаем из кабинета вышли. Но потом из обрывков слов я понял, что для Николая Никитовича было неожиданным принятое Москвой решение о начале строительства проволочного ограждения по периметру 30-километровой зоны. После разговора с ЦК КПСС А. С. Камай и Н. Н. Слюньков выехали в Брагин.

Здесь хотелось бы рассказать о случае, который произошел лет через шесть-семь после приезда Н. Н. Слюнькова в район. Уже не было партии (КПСС), Николай Никитович был в 1987 году переведен в Москву, избран секретарем ЦК КПСС, а затем последовал распад СССР, фактическая ликвидация КПСС и расцвет "демократии". Николай Никитович по всей вероятности стал готовить документы для оформления пенсии, а вот документов, подтверждающих его участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС у него не оказалось. По существующему тогда порядку в качестве документов, подтверждающих участие в этих работах, могли быть свидетельские показания очевидцев. Мне позвонил Паньков Г. Н., работающий в тот период в аппарате Совета Министров, и занимающийся проблемами последствий катастрофы и задал вопрос, не смог ли я дать такой документ Н. Н. Слюнькову. Я спросил у Георгия Николаевича: "А что, кроме меня никого нет, более солидного свидетеля"?

Надо помнить какой в те времена дикой атаке со всех сторон подвергались бывшие партийные работники. От нас, как от проклятых, многие отвернулись, перестали звонить, разговаривать, здороваться. Коснулось это, конечно, и представителей высшего эшелона, к которым относился Н. Н. Слюньков.

Так вот, Г. Н. Паньков мне сказал, что у Н. Н. Слюнькова не хватает необходимого

количества (трех) свидетельских показаний, а некоторые, кто мог бы выступить в качестве таковых, попросту отказывались это делать. Я ответил Георгию Николаевичу, что готов выступить в качестве свидетеля об участии Н. Н. Слюнькова в работах, связанных с катастрофой на ЧАЭС, составил, подписал соответствующий документ и передал его Г. Н. Панькову.

В первые дни мая 1986 года в район было направлено большое количество руководящих работников и специалистов различных областей из Минска и Москвы, в т. ч. из союзного Госагропрома и других органов. Среди них было несколько человек из Научно-исследовательского института медицинской радиологии АМН СССР, расположенного в г. Обнинске. 2 мая мы с А. И. Обуховым встретились с ними в райисполкоме, проинформировали их о ситуации. Затем они сами побывали в нескольких хозяйствах района, на сыркомбинате, убедились в том, что молоко производится с высоким количеством содержания радиоактивных веществ, употреблять в пищу его нельзя и невозможно производить из него сыры. Кроме того, специалисты из Госагропрома СССР и г. Обнинска высказали точку зрения, что в ближайшее время производство молока и мяса в районе производить нельзя, а все поголовье необходимо сдать на мясокомбинаты. Мы с А. И. Обуховым предоставили им один из кабинетов в райисполкоме, попросили их высказать свою точку зрения письменно, чтобы мы могли, ссылаясь на заключение указанных специалистов, ставить так вопрос перед областью и республикой. Они обещали подготовить соответствующий документ через два-три часа.

Однако ни через два, ни через пять часов, ни через сутки мы так и не дождались от москвичей и обнинцев никаких документов. Знаю только, что они созванивались со своими начальниками, а те, очевидно, отсоветовали им излагать свою точку зрения в письменной форме.

В экстремальных условиях, сложившихся после аварии на Чернобыльской АЭС в населенных пунктах 30-километровой зоны и приближенных к ней регионах, существенно расширился спектр деятельности райкома партии, первичных

парторганизаций, в частности, в создании нормальной морально-психологической обстановки, ибо сложившаяся обстановка требовала от руководящего состава нестандартного воздействия на людей. Работники райкома партии совместно с партактивом постоянно изучали общественное мнение, настроения людей, морально-психологический климат в трудовых коллективах, семьях. Главной их задачей было компетентное разъяснение обстановки. Нужно было доводить до сознания людей важность работ, связанных с необходимостью эвакуации, расселения и оздоровления населения, проведения комплекса мер по дезактивации загрязненных территорий, другие решения Правительственной комиссии, штабов по ликвидации последствий аварии, овладевать на ходу определенной суммой специальных знаний по вопросам радиации, радиофизики, радиобиологии, медицины. Они взяли на себя огромный объем работ и долю ответственности за судьбы людей. Партийный актив фактически оказался мобилизованными.

Практически круглосуточно велась напряженная работа по всему комплексу первоочередных мероприятий в определении единственно возможных средств и форм управления общественно-политическими явлениями.

В то же время необычность и противоречивость ситуации, сложное взаимодействие внешних и внутренних, объективных и субъективных, личностных и общественных, психологических и поведенческих факторов значительно усложнили выбор верхних управленческих, регулятивных решений для всех руководящих кадров, причастных к ликвидации последствий аварии. И, тем не менее, четко и оперативно решалось большинство задач и проблем. Место приложения сил и способностей находилось для каждого руководящего работника, депутата, активиста. Нужна была упреждающая, объективная и своевременная информация о положении дел в пострадавших регионах. А ее так не хватало.

Проводимый по ходу событий анализ морально-психологического состояния людей, побудительных мотивов их поведения, основанный на наблюдениях в

ходе каждодневного общения, показал, что в первые часы и даже сутки после аварии в населенных пунктах 30-километровой зоны и за ее пределами сложилась крайне неблагоприятная психологическая обстановка. Основной причиной этого явилось отсутствие своевременной и достоверной информации об обстановке на Чернобыльской АЭС, о принимаемых мерах по снижению влияния последствий аварии на жизнь и здоровье людей. Если официальная информация о случившемся на станции впервые прозвучала в программе "Время" лишь в конце апреля 1986 г., то западные радиостанции уже через несколько часов после аварии сообщили о "тысячах погибших в Чернобыле". В результате порождалось большое количество всевозможных слухов и домыслов, а у людей возникало естественное в таких случаях психическое возбуждение.

Таким образом, экстремальная ситуация высветила проблему овладения руководящими кадрами механизмом социальной регуляции жизнедеятельности человека. От них требовалось добиться высокой психологической устойчивости людей. И в том, что ситуация в загрязненных районах оставалась контролируемой местными органами, огромную роль сыграли их авторитет, достойное в большинстве случаев поведение руководящего состава и депутатов. Большую организаторскую работу в Брагинском, Наровлянском, Хойникском районах вели секретари обкома партии А. С.Камай, В. А. Санчуковский, С. П. Бобырь, Н. Г. Войтенков, И. Н. Смоляр, заместители председателя облисполкома Ф. Крутовцова, В. К. Левчик, А. Шахнович.

В экстремальных условиях особенно проявились психологическая устойчивость, готовность к волевому действию, высокие нравственные качества, выдержка, стойкость, личное мужество большинства руководителей колхозов, совхозов, организаций и учреждений, всего партийно-хозяйственного актива района. Высокие личные качества проявили в то сложное время директор совхоза "Оревичи" Г. А. Михайлов, председатели колхозов "1 Мая", "Новая жизнь", "Октябрь", "им. Жданова" М. И. Новик, И. Н. Васюк, М. И. Васюк, А. Лобан, директора совхозов "Судково",

"Стреличиво" Н. И. Садченко, А. В. Мартыненко, начальник РОВД Л. М. Жевняк, управляющий объединением "Сельхозтехника" В.Г. Згурский, директор комбикормового завода Н. В. Курленко, начальники ПМК И. И. Зайцев, Г. А. Шпаковский, заместитель главного санитарного врача района М. А. Соловьев, директор завода железобетонных изделий И. А. Муравейников, директор сырзавода В.П. Алешина и сотни других активистов.

Все они, а также десятки тысяч коммунистов, комсомольцев района, обычных граждан выполнили свой долг по осуществлению первоочередных и последующих мероприятий по ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, а большинство с честью продолжают выполнять его вот уже 30 лет, облагораживая Хойникщину — этот удивительный и чудесный уголок нашей Беларуси.

Источник: Эколог и Я. – 2016. – № 1. – С. 1 – 7.